

УДК 1(091):16

КОНСТРУКТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ГЕРМАНА КОГЕНА

В. Е. Семенов¹

Конструктивное (продуктивное) мышление в критической философии Г. Когена существенным образом отличается от внешне похожего спекулятивного мышления в наукоучении (1794/95) И. Г. Фихте. К фундаментальным характеристикам научного мышления в учении Когена относятся чистота, ориентация на «факт науки», первоначало (Ursprung), инфинитезимальный метод, континуальность, движение, порождение, корреляция, интенсивная величина, соотношение мышления и бытия. Согласно Когену, научное мышление может быть только чистым и порождаться первоначалом. Первоначало есть континуальное действие (движение) мышления по разведению объединенного и связыванию разделенного содержания. В этом процессе мышление и бытие коррелятивны. Бесконечно малая реальность содержит в себе мышление и бытие одновременно и в качестве объединения, и в разделенном виде. Инфинитезимальный метод представляет собой мышление, которое непрерывно осуществляет операции: а) противопоставления себя как чистого мышления результатам своего порождения; б) совпадения самого себя с продуктами своего производства. Инфинитезимальное мышление стремится элиминировать различие между собой и бытием. Тем не менее бытие постоянно сохраняет автономию. Бытие не сливается с мышлением и не поглощается им. В наукоучении Фихте чистое мышление ходит по логическому кругу, не имея выхода к реальному бытию. В стремлении выйти из этого круга и отыскать свою причинность мышление обращается не к бытию мира явлений, а к Абсолютному Я. Такой спекулятивный подход к сознанию, мышлению и бытию имеет мало общего с критической позицией Когена.

Ключевые слова: чистота мышления, первоначало, инфинитезимальный метод, континуальность, корреляция, порождение

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.
Поступила в редакцию: 02.04.2022 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-3

CONSTRUCTIVE THINKING IN THE CRITICAL PHILOSOPHY OF HERMANN COHEN

V. Ye. Semenov¹

Constructive (productive) thinking in the critical philosophy of Hermann Cohen differs significantly from the seemingly similar speculative thinking in J. G. Fichte's *Science of Knowledge* (Wissenschaftslehre) (1794/95). The fundamental characteristics of scientific thinking in Cohen's teaching include: purity, focus on the "fact of science", the origin (Ursprung), the infinitesimal method, continuity, movement, production, correlation, intensive magnitude, interrelation of thinking and being. According to Cohen, scientific thinking can only be pure and generated by the origin. The origin is continuous action (movement) of thinking to separate the united and bind the divided content. In this process, thinking and being are correlative. Infinitely small reality contains thinking and being simultaneously as a union and in a divided form. The infinitesimal method is thinking that continuously carries out a) the operations of opposing itself as pure thinking to the results of its own production; b) the coincidence of itself with the products of its own generation. Infinitesimal thinking seeks to eliminate the difference between self and being. Nevertheless, being constantly retains autonomy. Being does not merge with thinking and is not absorbed by it. In Fichte's *Science of Knowledge* pure thinking moves in a logical circle, having no access into real being. In an effort to break out of this circle and find its causality, thinking turns not to the being of the world of phenomena, but to the Absolute I. Such a speculative approach to consciousness, thinking and being has little in common with Cohen's critical position.

Keywords: purity of thinking, origin, infinitesimal method, continuity, correlation, generation

¹ Lomonosov Moscow State University.
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
Received: 02.04.2022.
doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-3

1. Введение

В процессе анализа и сравнения концепции мышления в критической философии Германа Когена, с одной стороны, и исходного варианта *Wissenschaftslehre* (1794/95) Иоганна Готлиба Фихте — с другой, возникает устойчивое и непреодолимое желание сблизить и даже отождествить эти два учения. В самом деле, и Фихте, и Коген создают универсальные теории о всемогущем мышлении, которое своей продуктивной деятельностью порождает собственное автономное содержание (= окружающий мир). Эти схожие на первый взгляд концепции рефлексизирующего сознания — как индивидуального, так и интерсубъективного — радикально отличаются, например, от гегелевской спекулятивной теории Мирового разума, конституирующего весь универсум. Действительно, Коген и Фихте солидарно исследуют, если позволено будет так выразиться, «субъективное мышление» личности, тогда как Гегель конструирует «объективное мышление» Мирового духа.

Кроме того, как это видится в первом приближении, очевидное сходство учений Когена и Фихте заключается в их «параллельном» и «синхронном» отходе от трансцендентальной философии Иммануила Канта. Чистый субъективизм Фихте, безусловно, представляет собой шаг назад по сравнению с критицизмом Канта, одно из главных достоинств которого — соединение работы чувственности и рассудка, элиминация противостояния эмпиризма и рационализма. От реального научного опыта, который исследуется кантовской трансцендентальной эпистемологией, Фихте безвозвратно переходит к сугубо спекулятивному мышлению и тем самым оказывается в безвоздушном пространстве чистой мысли. Соответственно, предметом философии становится уже не конструктивная реальность науки, но автаркический мир Абсолютного Я, созданный продуктивным воображением, которое в данной си-

1. Introduction

In analysing and comparing the concepts of thinking in Hermann Cohen's critical philosophy on the one hand, and the original version of *The Science of Knowledge* (1794/95) by Johann Gottlieb Fichte on the other, there arises an abiding and irresistible temptation to bring the two teachings closer together or even to identify them. Indeed, both Fichte and Cohen create universal theories of omnipotent thinking which in the course of its productive activity generates its own autonomous content (= the surrounding world). These outwardly similar concepts of reflexive consciousness differ radically, for example, from Hegel's speculative theory of the World Reason which constitutes the whole universe. Indeed, Cohen and Fichte jointly investigate, so to speak, the "subjective thinking" of the personality whereas Hegel constructs the "objective thinking" of the World Spirit.

Besides, at first glance the teachings of Cohen and Fichte are obviously similar in that they simultaneously and "in parallel" depart from Immanuel Kant's transcendental philosophy. Fichte's pure subjectivism is of course a step back compared with Kant's criticism, one of its chief merits being the joining of the work of sensibility and reason, elimination of the opposition of empiricism and rationalism. From real scientific experience, which is investigated in Kant's transcendental epistemology, Fichte irreversibly moves toward speculative thinking and thus finds himself in the void of pure thought. Accordingly, the object of philosophy is no longer the constructive reality of science, but the autarchic world of the Absolute I created by generative imagination, which in this situation should properly be called fantasy. The transition from science to fantasy, of course, drastically and irreversibly skews the Kantian impulse to steer philosophy toward "the secure

туации правильное будет понимать как фантазию. Такой переход от науки к вымыслу, конечно же, существенным и непоправимым образом деформирует кантовское стремление направить философию по «надежному пути науки», предполагающему «революцию в способе своего мышления» (В XIII–XIV, Кант, 2006, с. 15).

Однако и марбургские неокантианцы отбросили чувственность и тем самым отказались от кантовского синтетического познания. Таким образом, они, как представляется, «изменили» кёнигсбергскому «всесокрушителю» в одном из важнейших пунктов трансцендентальной философии и в результате сблизились с позицией откровенного фихтеанского субъективизма в понимании мышления. В этих трансформациях учений Когена и Фихте по отношению к позиции Канта, несмотря на заявленную ими приверженность учению кёнигсбержца, также можно усмотреть определенное сходство двух философов.

Вместе с этой, казалось бы, очевидной схожестью двух концепций мышления, между ними существуют фундаментальные и неустраняемые различия. Дело в том, что для Когена «чистое» научное мышление не порывает окончательно с бытием, но каким-то неопостижимым образом остается связанным с ним. Коген рассматривает мышление, достигшее высокого уровня математической абстрактности, вовсе не заостряя внимания на первоначальных, эмпирических, стадиях формирования естественнонаучного дискурса. Иначе говоря, марбургца интересует лишь этап сугубо конструктивного мышления современного ему математического естествознания, в котором, в самом деле, очень трудно отыскать непосредственное бытие. Однако это бытие, в отличие от наукоучения Фихте, в критической философии Когена не исчезает, а напротив — служит необходимым элементом деятельности конструктивного мышления. Это и есть главный пункт расхождений между учениями Когена и

course of a science”, which implies “revolution in its way of thinking” (*KrV*, В XIII–XIV; Кант, 1998, p. 109).

Yet the Marburg Neo-Kantians, too, have cast aside sensibility and thereby renounced Kantian synthetic cognition. One could say that they “betrayed” the Koenigsberg “destroyer of all and sundry” on one of the key points of transcendental philosophy and, as a result, drew closer to Fichtean subjectivism in interpreting thinking. These transformations of the teachings of Cohen and Fichte *vis-a-vis* Kant’s position, in spite of their professed adherence to Kant, also indicate some similarity between the two philosophers.

Along with the seemingly obvious similarity of the two concepts of thinking, there are fundamental intrinsic differences between them. With Cohen, “pure” science thinking does not entirely break with being and remains, in some mysterious way, connected to it. Cohen examines thinking which has achieved a high degree of mathematical abstractness without focusing on the primary empirical stages of the natural science discourse. In other words, he is interested in the stage of strictly constructive thinking of contemporary mathematical natural science, in which it is indeed difficult to see raw being. However, unlike in the case of Fichte’s science of knowledge, being does not disappear in Cohen’s philosophy but, on the contrary, is a necessary element of constructive thinking. This is the main point on which Cohen and Fichte diverge. It is the constructive essence of scientific knowledge that sets the concepts of the two philosophers apart.

Thus, an analysis of Cohen’s constructivism can clearly reveal the link between being and scientific knowledge and the constructive character of scientific thought. This gives a deeper insight into the essence both of constructive subjectivism and constructivism as a whole. Fo-

Фихте. Именно конструктивная сущность научного мышления радикальным образом разводит концепции философов.

Таким образом, анализ конструктивизма марбуржца даст возможность отчетливо усмотреть связь между бытием и научным мышлением, а также приблизит нас к пониманию конструктивного характера научной мысли. Это позволит лучше понять сущность и конструктивного субъективизма, и конструктивизма в целом. Кроме того, проблематизация конструктивного мышления в учении марбургского философа сделает очевидным различие между его критической философией и наукоучением Фихте.

Цель статьи — эксплицировать и структурировать представления Когена о конструктивном (продуктивном) мышлении, а также проанализировать концепцию марбургского философа о соотношении научного мышления и бытия. В дополнение к этому анализ конструктивного мышления в учении Когена продемонстрирует существенные различия между научным *конструктивным субъективизмом* главы Марбургской школы и панэтическим *спекулятивным субъективизмом* Фихте.

2. Путь к чистоте мышления

Критическая философия, согласно намерению Канта, должна представлять собой функциональную систему, выведенную в идеале из единого принципа *a priori*. Достижение такого рода системы возможно в силу того, что категории представляют собой функциональные законы для синтеза многообразного, данного в представлениях. В таком случае эпистемологическая цель трансцендентальной философии заключается в том, чтобы сконструировать целостную систему понятийных рядов. Создание такой системы есть результат деятельности рассудка. Но для действий рассудка требуется какой-то внешний источник. В связи с этим Ри-

cus on the problem of constructive thinking in Cohen's teaching will bring out the difference between his critical philosophy and Fichte's teaching on science.

The aim of this article is to explicate and structure Cohen's notions of constructive (productive) thinking, and to analyse his concept of the relationship between scientific thinking and being. In addition, an analysis of constructive thinking in Cohen's teaching will demonstrate essential differences between the scientific *constructive subjectivism* of Cohen and the pan-ethical *speculative subjectivism* of Fichte.

2. The Path toward Purity of Thinking

According to Kant, critical philosophy should be a functional system, ideally derived from a single *a priori* principle. Such a system is attainable because categories are functional laws for the synthesis of the manifold given in representations. Hence the epistemological aim of transcendental philosophy is to construct an integral system of sets of concepts. Such a system is created through the activity of reason. But reason, in order to act, needs an external source. Richard Aquila (1989, p. XII) stresses: "[...] the Kantian self is originally self-conscious only through consciousness of the noematic *correlate*, in the world of appearances, of its own noetic structuring of experience. [...] In an important sense, Kantian consciousness is not in the first instance self-consciousness. It is consciousness of self only through its consciousness of the world." This "external correlate" (= being) is the most challenging problem of "Transcendental Analytics": how do the two disparate sources of knowledge (sensitivity and reason) combine, such that the synthesis possesses objective significance? Kant tries to explain this difficulty through subjective (transcendental) deduction.

The aim of deduction is to investigate the functional inter-relations between reason and

чард Аквила подчеркивает: «Я является самосознающим только через сознание нозматического коррелята в мире явлений, через свое собственное нозитическое структурирование опыта. <...> Кантианское сознание в существенном смысле не является самосознанием в первую очередь. Оно становится сознанием самого себя только через осознание мира» (Aquila, 1989, р. XII). Именно в этом «внешнем корреляте» (= бытии) как раз и коренится самая неудобная проблема «Трансцендентальной аналитики»: каким образом два разнородных источника познания (чувственность и рассудок) соединяются воедино, причем результат их синтеза обладает объективной значимостью? Кант пытался объяснить это затруднение с помощью субъективной (трансцендентальной) дедукции.

Цель дедукции — исследовать функциональные взаимоотношения рассудка и чувственности и, стало быть, показать, что априорные понятия являются «условиями *a priori* возможности опыта» (В 126; Кант, 2006, с. 197). Основополагающая задача — «объяснить связь между представлениями, принадлежащими единому сознанию, и применением категорий к ним» и, кроме того, «показать, что существует некоторая связь между единством апперцепции и определенным видом представлений, которые даны чувственностью» (Carl, 1989, р. 18). Соответственно, ключевым действием, подлежащим исследованию дедукции, является порождаемая рассудком связь (синтез) многообразного содержания чувственных представлений с чистыми рассудочными понятиями (В 129–130; Кант, 2006, с. 201). Таким путем создается синтетическое единство знания.

Кантовский принцип синтетического единства Коген считал непоследовательным. Согласно Когену, мышление должно быть однородным и чистым. Для достижения этой цели требование *синтетического* единства знания марбуржец заменил на императив *систематического* единства, подчеркнув при этом: «Систе-

sensibility and thus to show that *a priori* concepts are “*a priori* conditions of the possibility of experiences” (KrV, B 126; Kant, 1998, p. 225). The fundamental task is “to explain a connection between representations that belong to one consciousness and the application of the categories to them” and besides, “to show that there is some relation between the unity of apperception and a certain kind of conceptualization of what is given by the senses” (Carl, 1989, pp. 18–19). Accordingly, the key act to be investigated through deduction is the reason-generated connection (synthesis) of the diverse sense representations and concepts of pure reason (KrV, B 129–130; Kant, 1998, p. 245). This creates the unity of knowledge.

Cohen considered Kant’s principle of synthetic unity to be inconsistent. He maintained that thinking should be homogeneous and pure. To achieve that end, he substituted the requirement of *synthetic* unity with the imperative of *systematic* unity, stressing that “Systematic unity differs from synthetic unity in the same way as idea differs from category”² (Cohen, 1918, p. 647). Cohen thus explained the principle of purity: “We begin with thinking. Thinking cannot have any origin outside itself since its purity should not be limited or obscured. Pure thinking should generate exclusively pure cognitions exclusively by itself. Hence the teaching on thinking must be a teaching about cognition”³ (Cohen, 1922, pp. 12–13).

The predicate of purity (*Reinheit*) is exceedingly important for Cohen’s critical philosophy. Purity of thinking has been studied by many philosophers of the transcendentalist persuasion, but it is only with Cohen that it forms a

² “Die systematische Einheit ist von der synthetischen unterschieden, als Idee, von der Kategorie.”

³ “Wir fangen mit dem Denken an. Das Denken darf keinen Ursprung haben außerhalb seiner selbst, wenn anders seine Reinheit uneingeschränkt und ungetrübt sein muss. Das reine Denken in sich selbst und ausschließlich muss ausschließlich die reinen Erkenntnisse zur Erzeugung bringen. Mithin muss die Lehre vom Denken die Lehre von der Erkenntnis werden.”

математическое единство отличается от синтетического так же, как идея от категории» (Cohen, 1918, S. 647). Принцип чистоты Коген разъяснял таким образом: «Мы начинаем с мышления. Мышление не может иметь никакого первоисточника кроме самого себя, поскольку его чистота не должна быть ограничена и замутнена. Чистое мышление исключительно само по себе должно порождать исключительно чистые познания. Следовательно, учение о мышлении должно стать учением о познании» (Cohen, 1922, S. 12–13).

Предикат чистоты (*Reinheit*) чрезвычайно важен для критической философии марбургского схолаха. Чистота мышления исследовалась многими философами трансценденталистской ориентации, но только у Когена она приобретает самодовлеющее значение. Этот факт подчеркивает Вольфганг Маркс: «Хотя Гуссерль, например, тоже *использовал* понятие “чистота” в качестве фундаментального в своей системе, но он не тематизировал его эксплицитно. Другое дело — Коген: можно вполне определенно сказать, что единственной его темой было ясно показать чистоту мышления» (Marx, 1977, S. 9). То же утверждает и другой авторитетный историк философии, Хельмут Хольцхай: «Первичность мышления составляет его *чистоту*. Когену особенно дорого это выражение, которое отсылает в центр его систематической философии» (Holzhey, 1986, S. 175). В понятии чистоты Коген органично, как ему представлялось, соединил платоновские идеи в качестве гипотез и кантовское учение о конструирующем рассудке.

Важнейшей предпосылкой адекватного понимания концепции Когена выступает тот факт, что исследуемое им мышление является исключительно научным, то есть мышлением современного математического естествознания, но никак не обыденным познанием и мышлением. Такое понимание научного мышления обусловлено в том числе и реальным по-

central concept. This fact was stressed by Wolfgang Marx (1977, p. 9): “Although Husserl, for example, also *used* the concept of ‘purity’ as a fundamental one in his system, he did so implicitly and not explicitly. Not so Cohen: one might say (exaggerating only a little) that showing the purity of thinking was his sole theme.”⁴ In the same vein another authoritative historian of philosophy, Helmut Holzhey (1986, p. 175), writes: “The originality of thinking constitutes its *purity*. Cohen is particularly fond of this expression which is central to his systematic philosophy.”⁵ Cohen believed that his concept of purity organically combined Plato’s ideas as hypotheses and Kant’s teaching on constructing reason.

A key prerequisite to understanding Cohen’s concept is the fact that he investigates only scientific thinking, i.e. the thinking of modern mathematical natural science, but emphatically not mundane knowledge and thinking. Such interpretation of scientific thinking is partly the result of the real state of affairs: by the late nineteenth century mathematical natural science as a model of pure thinking completely lost touch with its object, effectively turning into pure theory. Now the subject of physics cannot be seen, not only not by the naked eye, but not even by an eye equipped with instruments. So, scientific knowledge is no longer a synthesis of the senses and reason. In this situation

[f]or Cohen the concept of synthesis is predetermined, there is a “gaping gap” in it, which cannot be filled by turning to contemplation. The full concept of thinking is “*unpremised autonomy*” both in analytical and in synthetic investigation; content is determined directly by thinking, autonomously, from

⁴ “Zwar hat z. B. auch Husserl den Begriff der ‘Reinheit’ in seinem System als einen fundamentalen verwendet, nicht aber explizit thematisiert. Anders Cohen: überspitzt könnte man sagen, dass die Reinheit des Denkens verständlich zu machen, sein Thema war.”

⁵ “Die Ursprünglichkeit des Denkens macht seine Reinheit aus. Ein Cohen besonders teurer Ausdruck, der ins Zentrum seiner systematischen Philosophie verweist.”

ложением дел: математическое естествознание как образец чистоты мышления к концу XIX в. полностью утратило наглядность своего предмета и по сути дела превратилось в чистую теорию. Теперь предмет физики не виден не только простым, но даже и вооруженным взглядом. Соответственно, научное познание больше не является синтезом чувственности и рассудка. В этой ситуации

для Когена понятие о синтезе предопределено, в нем «зияет пробел», который не может быть закрыт путем обращения к созерцаниям. Полное понятие мышления является «*беспредпосылочной автономностью*» (*voraussetzungslose Selbständigkeit*) как в аналитическом, так и в синтетическом исследовании; определенность содержания разрабатывает непосредственно мышление, автономно, из себя. Из этого непосредственно следует логическая чистота познания, поскольку она представляет собой связность действительно определенных содержаний (Marx, 1987, S. 66–67).

Таким образом, разительные метаморфозы в области физики нашли свое выражение в сфере философии.

Для Когена очевидно, что критическая философия в ипостаси логики чистого познания должна ориентироваться на «*факт науки*». Именно в такой ориентации марбургцы усматривают сущность трансцендентального метода: исходя из фактов науки, следует изучать условия возможности этих фактов в качестве предпосылок научного познания. При этом «трансцендентальный метод у Когена принимает форму чисто формального, конструктивистского метода, в котором познание сконструировано и генерировано в чистую мысль» (Люфт, 2010, с. 118). Это вместе с тем означает, что критическое познание

является познанием наук (прежде всего точных наук, в случае с Марбургской школой), как они «существуют в напечатанных книгах»

within itself. From this follows the logical purity of cognition inasmuch as it represents the interrelation of validly defined contents⁶ (Marx, 1987, pp. 66-67).

Thus dramatic metamorphoses in the field of physics were reflected in the sphere of philosophy.

Cohen is convinced that critical philosophy from the point of view of the logic of pure knowledge must proceed from “the fact of science”. It is from this perspective that the Marburg philosophers explain the essence of the transcendental method: proceeding from the facts of science, to study the conditions that make these facts possible as prerequisites of scientific cognition. “Cohen’s transcendental method form winds up as a purely formal, constructivist method, in which cognition is constructed and generated in pure thought” (Luft, 2010, p. 118). At the same time this means that critical cognition is

cognition of sciences (above all, the exact sciences, in the case of the Marburg school) as they “exist in printed books” (Cohen) and are presented for analysis. The *terminus a quo* [starting point] of the critique of cognition is concrete scientific knowledge and its *terminus ad quem* [final goal] are the prerequisites on which the reality of all scientific cognition is based. The movement from the “fact” of science to the conditions that make it possible constitutes the specific character of the transcendental method⁷ (Brelage, 1965, p. 87).

⁶ “Der Vollbegriff des Denkens ist seine ‘voraussetzungslose Selbständigkeit’ im analytischen wie synthetischen Verfahren; gerade die Bestimmtheit des Inhaltes entwickelt das Denken autonom aus sich. Daraus folgt unmittelbar die logische Reinheit der Erkenntnis, sofern sie der Zusammenhang gültig bestimmter Inhalte ist.”

⁷ “[...] ist die Erkenntnis der Wissenschaften (im Falle der Marburger Schule vor allem die der exakten Wissenschaften), wie sie ‘in gedruckten Bücher vorliegt’ (Cohen) und sich der Analyse darbietet. Terminus a quo der Erkenntniskritik ist die konkrete wissenschaftliche Erkenntnis, ihr Terminus ad quem sind die Voraussetzungen, auf denen die Gültigkeit dieser jeder wissenschaftlichen Erkenntnis beruht. Die Bewegung vom ‘Faktum’ der Wissenschaft zu den Bedingungen seiner Möglichkeit macht das Eigentümliche der transzendentalen Methode aus.”

(Коген) и представляются анализу. *Terminus a quo* [исходный пункт] критики познания — это конкретное научное познание, а ее *terminus ad quem* [конечная цель] — предпосылки, на которых основывается действительность каждого научного познания. Движение от «факта» науки к условиям его возможности составляет присущий [критицизму] трансцендентальный метод (Brelage, 1965, S. 87).

Следовательно, Коген ставит перед собой ту же самую эпистемологическую задачу, что и Кант, но с учетом радикальных изменений в математическом естествознании и, соответственно, в научном мышлении и познании.

3. Преобразование ощущений, созерцания и вещи самой по себе

В критической философии Когена чувственность и рассудок как два «ствола» познания заменяются одним — чистым мышлением как первоначалом (*Ursprung*). На смену трансцендентальному синтезу приходит инфинитезимальный метод как механизм порождения содержания чистого мышления, а целью познания становится *fieri* — бесконечный в сущности своей процесс становления знания.

В целом программу марбургской трансформации можно выразить кратко, по пунктам, как это сделала Герта Майерхофер:

1. Кантианское определение мышления как синтеза не является «исчерпывающим определением», но должно более радикально схватываться в «образном выражении порождения».

2. Множество (многообразное), которое служит у Канта в синтезе мышления предпосылкой, должно рассматриваться как порожденное, чтобы мыслилось оно как единство и — в качестве порождения мышления — могло происходить не из какого-то другого источника, а только из мышления и его деятельности (Mayerhofer, 2004, S. 140).

Cohen sets himself the same epistemological task as Kant, but taking due account of the dramatic changes in mathematical natural science and, accordingly, in scientific thinking and cognition.

3. Transformation of Sensations, Intuition and the Thing-in-itself

In Cohen's critical philosophy the sensibility and reason as the twin "stems" of cognition are replaced with one, pure thinking as the origin (*Ursprung*). Transcendental synthesis gives way to the infinitesimal method as a mechanism of generating pure thinking and *fieri*, the essentially infinite process of the emergence of knowledge, becomes the aim of cognition.

On the whole, the Marburg school's transformation programme can be summed up in two points, as Herta Mayerhofer (2004, p. 140) has done:

1. The Kantian definition of thinking as synthesis is not an "exhaustive definition", it should be captured more radically in the "figurative expression of generation".

2. The manifold, which is the prerequisite of Kant's synthesis of thinking, should be seen as that which has been generated if it is to be thought of as a unity and — as the generation of thinking — cannot originate from any other source but only from thinking and its activity.⁸

The transformations, once carried out, were slowly but steadily changing the look of Kantian transcendentalism.

⁸ "1. Die Kantische Bestimmung des Denkens als Synthesis ist keine 'erschöpfende Bestimmung', sondern muss im 'bildlichen Ausdruck Erzeugen' radikaler gefasst werden. 2. Die Mehrheit (Mannigfaltigkeit), die bei Kant der Synthesis des Denkens als Voraussetzung dient, muss als erzeugt, damit als Einheit gedacht werden und kann als Erzeugung des Denkens nicht von anderswo her, sondern nur aus dem Denken und seiner Tätigkeit stammen."

Осуществленные преобразования постепенно, но неуклонно видоизменяли кантовский облик трансцендентализма.

Прежде всего изменения затронули ощущения. У Канта ощущения представляли собой данность. Трансцендентальный предмет аффицирует чувственность, в результате чего возникают ощущения, то есть они даны со стороны внешнего источника. Коген резко выступает против *данности* и настаивает на *заданности* предмета познания. Предмет мышления вовсе не *дан*, а только *задан*!

Отныне ощущения выступают в роли некоего «побуждения», «первотолчка» для мышления. Они что-то «лепечут», «бормочут» и этим неопределенным воздействием иницируют, активизируют, инспирируют мышление на то, чтобы оно взялось за решение «проблемы» или «задачи», за которыми, в свою очередь, скрывается бытие. Ощущения указывают на предмет = *X* и тем самым *задают* мышлению задачу разработки и определения проблемы бытия. При этом сама «область *ощущений* есть и остается собственной областью *научной* разработки для психологии. <...> Чистое мышление не нужно определять на этой основе. В логике идеализма ощущение возникает только в критическом суждении действительности. И только в нем ощущение необходимо достигает завершения своего оправдания» (Cohen, 1922, S. 598–599). Таким образом, о реальной действительности в сфере науки мы узнаем только из самих научных суждений и умозаключений о действительности, но никак не из ощущений.

Если исходить из того факта, что Коген говорит о мышлении именно в математическом естествознании, то нельзя не признать его правоту и логическую обоснованность выводов. В настоящее время считается очевидным и даже тривиальным тот факт, что процесс восприятия изначально подвержен категоризации со стороны рассудка и что объект восприятия на самом деле является предметом конструирова-

The earliest changes had to do with sensations. In Kant, the sensations are givens. The transcendental object affects the sensibility, resulting in sensations, i.e. they are given by an external source. Cohen challenges the *givenness* idea and insists that the object of thinking is merely *assigned*.

Henceforth sensations play the role of an “impulse”, “the first push” for thinking. They mutter and murmur something and this inarticulate influence initiates, inspires thinking to tackle the “problems” and “tasks”, behind which stands being. Sensations point to object = *X* and thus assign to thinking the task of analysing and defining a problem of being. The “sphere of *sensations* is and remains the proper area of *scientific* study for psychology. [...] Pure thinking is not to be determined on this basis. In the logic of idealism, a sensation arises only in the critical judgment of reality. And it is only in the judgment of necessity that sensation reaches its final justification”⁹ (Cohen, 1922, pp. 598–599). Thus we learn about reality in the sphere of science only from scientific judgments and conclusions about reality, but not from sensations.

If we keep in mind that Cohen is speaking about thinking precisely in mathematical natural science, we have to admit that his conclusions are right and logical. Today it is considered to be an obvious and even trivial fact that the process of perception is from the start subject to categorisation by the understanding and that the object of perception is in fact an object of construction not only by the notions of understanding, but also by the ideas of reason. That is why Zinaida Sokuler (2008, p. 49) is right in drawing our attention to this proposition: “If we keep in mind that pure perception free of our subjectivity is a myth we will

⁹ “Das eigentliche Gebiet der wissenschaftlichen Bearbeitung ist und bleibt doch für jene Psychologie das Gebiet der Empfindung. [...] Das reine Denken ist auf jenem Boden nicht zu definieren. In der Logik des Idealismus erscheint die Empfindung erst in dem kritischen Urteil der Wirklichkeit. Und erst in dem der Notwendigkeit erlangt sie den Abschluss ihrer Rechtfertigung.”

ния не только понятиями рассудка, но также идеями разума. Поэтому З. А. Сокулер вполне справедливо акцентирует на этом положении дел наше внимание: «Если мы будем помнить о том, что чистое, свободное от привнесений со стороны нашей субъективности восприятие есть миф, то нам покажутся вполне естественными и справедливыми постоянные напоминания Когена о том, что ощущение есть не более чем впечатление, которому нельзя приписывать никакой объективности, что оно определяется и исправляется мышлением» (Сокулер, 2008, с. 49). Стало быть, нужно согласиться с Когеном: в научном мышлении то, что мы в обыденной жизни называем ощущением, предстает как заданность проблемы, не более того. При этом необходимо подчеркнуть: «за спиной» этой заданности искусно скрывается хитроумное и автономное бытие.

Созерцание в критической философии Когена получает статус чистого. Строго различая чистое и эмпирическое созерцание, он подчеркивает, что первое должно называться математическим созерцанием, в отличие от просто физически-психического (см.: Cohen, 1883, S. 19). Соответственно, чтобы постичь его сущность, «понятию созерцания необходимо получить определение, выражающее его тенденцию, которая должна быть охарактеризована как *общая математическая законность (Gesetzlichkeit)*» (Ibid.). Чистое созерцание Когена, таким образом, становится похожим на математическое конструирование Канта или же идеацию Гуссерля.

Именно созерцание превращает изначально заданное в собственное данное, но только после того, как мышление решило задачу определения предмета = X: «Однако теперь совсем нельзя считать, что эта данность (Gegebenheit) возвращается в страну или область *по ту сторону сознания*, в которой нечто было дано созерцанию. Это данное дано *в сознании*; и эта причина и основа достаточно солидна для того, что-

see as natural and justified Cohen's constant reminders that a sensation is no more than an impression to which no objectivity can be imputed, that it is determined and corrected by thinking." So we have to agree with Cohen that in scientific thinking what we call sensation in day-to-day life is presented as an assignment of a problem, no more than that. But it has to be stressed that behind the assigned problem there lurks skillfully concealed ingenious and autonomous being.

In Cohen's critical philosophy intuition acquires the status of pure intuition. In scrupulously distinguishing between pure and empirical intuition, he stresses that the former should be called *mathematical* intuition as distinct from physical-mental intuition (cf. Cohen, 1883, p. 19). Thus, to grasp its essence "the concept of intuition must receive a definition expressing its tendency to characterise mathematics' general subordination to laws"¹⁰ (ibid.). Cohen's pure intuition thus becomes similar to Kant's mathematical construction or Husserl's ideation.

It is intuition that turns the initially assigned into a given, but only after thinking has solved the tasks of defining the object = X: "However, there is now no way to consider that givenness returns to the land or area *on the other side of consciousness* in which that Something was given to intuition. What is given is given *in consciousness*; this foundation is solid enough to legitimise intuition and consequently that Something. And the instrument for developing and cultivating this land is the *pure, the mathematical* intuition"¹¹ (ibid., p. 20). So, Cohen's critical philosophy re-

¹⁰ "[...] der Begriff der Anschauung [muss] eine Determination erhalten, welche seine Tendenz, die allgemeine mathematische Gesetzlichkeit zu charakterisieren."

¹¹ "Man darf nun aber nicht etwa meinen, diese Gegebenheit recurriere auf ein Land oder Gebiet jenseits des Bewusstseins, auf welchem jenes Etwas der Anschauung gegeben wäre. Das Gegebene ist in dem Bewusstsein gegeben; dieser Grund und Boden ist solide genug, die Anschauung und somit jenes Etwas zu legitimieren. Und das Mittel, jenes Boden zu bearbeiten und zu bebauen, das ist die reine, die mathematische Anschauung."

бы созерцание и, следовательно, нечто (Etwas) получили законную силу. И средство, чтобы разрабатывать и застраивать эту землю, — *чистое математическое созерцание*» (Ibid., S. 20). Стало быть, само понятие данного сохраняется в критической философии Когена, но отныне это данное есть данное изнутри, а не снаружи. Как раз эту мысль подчеркнул Эрнст Кассирер: «Таким образом, это [когеновское] учение также полностью признает “данное”, на которое должно ориентироваться философское рассмотрение, но это данное, так сказать, более высокой степени, состоящее не в материальной определенности вещей, а в логической структуре принципов и идей» (Cassirer, 1912, S. 258).

И наконец, общую позицию Марбургской школы в отношении данности и заданности предмета великолепно представил Пауль Наторп в своей знаменитой книге о Платоне:

Познание и предмет коррелятивны друг другу, а именно: они соотносятся как *путь* и *цель*. Тот, кто идет в дорогу, должен иметь цель перед глазами. Понятие предмета, которое должно познаваться как *x* уравнения познания, предполагает, стало быть, тех, кто говорит с ясным смыслом о познании вообще. Однако критицизм подчеркивает, что предмет — это *только x*, предмет — это *только проблема*, но *никогда не данное*; проблема, целостный смысл которой определен лишь в отношении к известным величинам уравнения, а именно — нашим фундаментальным понятиям, представляющим собой только основные функции познания, законы их действия, в которых заключается само познание. Это, скорее, их можно назвать «данными», поскольку они вообще и делают познание возможным. Но сам предмет не дан, а скорее задан. Всякое понятие о предмете, который должен иметь значение для нашего познания, нужно сначала выстроить из основных факторов самого познания, вплоть до самых фундаментальных (Natorp, 1903, S. 367).

tains the concept of the given, but now it is given from within and not from without. This idea was highlighted by Ernst Cassirer (1912, p. 258): “Thus, this [Cohen’s] teaching also fully recognizes ‘the given’ toward which philosophical examination must be oriented, but this given, as it were, is of a higher level, consisting not in material certainty of things, but in the logical structure of principles and ideas.”¹²

Finally, the overall position of the Marburg school concerning datum and task was brilliantly formulated by Paul Natorp (2004, p. 342) in his famous book about Plato:

It is true that knowledge and object are correlative; for they are related as a *path* to its *goal*, and he who takes the path must have the goal in view. Hence in speaking clearly and meaningfully about knowledge, one *must* presuppose the *concept* of the object that is to be known, the *x* in the equation of knowledge. But the critical position emphasizes that this is a *mere x*, that is, the object is *always a problem* and *never a datum*. It is a problem whose entire sense is determined purely in relation to the known factors of the equation, namely our fundamental concepts, which have as their content nothing but the fundamental *functions* of knowledge itself, i.e. the laws of the *procedure* that constitutes knowledge. It would be far more correct to say that these are what is “given” in knowledge, since it is they that make any knowledge possible in the first place. Objects, by contrast, are not a datum, but a task, and the very concept of an object to which our knowledge applies must be constructed out of the basic elements of this knowledge, right back to the completely fundamental ones.

The third fundamental structure after sensations and intuition to undergo a transformation was the thing-in-itself. In Cohen’s teaching it performs important functions, first and fore-

¹² “So erkennt auch diese Lehre durchaus ein ‘Gegebenes’ an, an dem die philosophische Betrachtung sich zu orientieren hat; aber es ist gleichsam ein Gegebenes höherer Stufe, das nicht in der materiellen Bestimmtheit von Dingen, sondern in der logischen Struktur von Prinzipien und Ideen besteht.”

Третьей фундаментальной конструкцией, которая подверглась трансформации после ощущений и созерцания, стала вещь сама по себе. Для Когена она несет важные функции, и прежде всего является выражением бесконечной задачи познания — того познания, которое тесно связано с автономным бытием. Несмотря на «переориентацию» функций вещи самой по себе, внимательно всмотревшись, мы вновь обнаружим за ее фасадом независимое бытие, требующее разработки мышлением.

Коген взял одну из нечасто встречающихся у Канта коннотаций вещи самой по себе и придал ей фундаментальный смысл:

Вещь сама по себе, таким образом, является воплощением научных знаний. Но этим сказано больше. Знания не образуют завершенные ряды, законченную главу; они представляют собой только то, о чем они свидетельствуют — о характере всего идеального. Поэтому они содержат в себе не только то, что обнаружено, но и одновременно то, что остается спорным. В этом заключается характер всех понятий: удовлетворяя требованиям мышления, они выдвигают новые. Здесь нет никакого определенного завершения. Каждое верное понятие — это новый вопрос и никакого окончательного ответа. Поэтому вещь сама по себе, понимаемая как «объем и связность» знаний, должна быть одновременно выражением вопросов, которые заключены в ответах познания. Это следующее значение вещи самой по себе обозначает другое выражение, благодаря которому Кант определил и углубил *x*, который он неоднократно называет трансцендентальным объектом. Вещь сама по себе — это «задача» (Cohen, 1918, S. 660–661).

Иначе можно выразиться таким образом: вещь сама по себе есть не что иное, как регулятивная идея разума, направленная на познание бытия и требующая от этого познания систематического единства как критерия научности. Ее можно образно представить в виде границы окружности между уже познанным, то есть знанием (область внутри окружности),

most, as an expression of the infinite task of cognition, the cognition that is closely connected with autonomous being. In spite of the “reorientation” of the functions of the thing-in-itself, a closer look will rediscover behind its façade independent being that needs to be processed by thinking.

Cohen (1918, pp. 660-661) took one of the less frequently encountered connotations of the thing-in-itself and invested it with a fundamental meaning:

The thing-in-itself is thus an embodiment of scientific knowledge. But this says more. Knowledge does not form complete sets, a complete chapter; it is only what it witnesses to, the character of everything ideal. Hence it contains not only what has been discovered, but at the same time what remains debatable. Herein lies the character of all concepts: in meeting the requirements of thinking, they put forward new ones. There is no definite closure. Every right concept is a new question and there is no final answer. That is why the thing-in-itself, understood as “the amount and coherence” of knowledge, must be at the same time an expression of questions contained in the answers of knowledge. This further meaning of the thing-in-itself is marked by another expression with which Kant has defined and deepened the *x*, as he repeatedly calls the transcendental object: The thing-in-itself is a “task”.¹³

¹³ “Das Ding an sich ist somit der Inbegriff der wissenschaftlichen Erkenntnisse. Aber damit ist mehr gesagt. Die Erkenntnisse bilden nicht eine abgeschlossene Reihe, ein Kapitel toter Hand; sie sind nur, indem sie sagen, dies ist der Charakter alles Idealen. Sie enthalten daher nicht nur das, was ermittelt ist, sondern in sich zugleich das, was fraglich bleibt. Dies ist der Charakter aller Begriffe: dass sie, indem sie Denkforderungen befriedigen, neue stellen. Es gibt hier keinen definitiven Abschluss. Jeder richtige Begriff ist eine neue Frage, keiner eine letzte Antwort. Das Ding an sich, als ‘Umfang und Zusammenhang’ der Erkenntnisse gedacht, muss daher zugleich der Ausdruck der Fragen sein, welche in jeden Antworten der Erkenntnisse eingeschlossen sind. Diese fernere Bedeutung des Dinges an sich bezeichnet ein anderer Ausdruck, durch welchen Kant das *x*, als welches er wiederholentlich das transzendente Objekt bezeichnet, bestimmt und vertieft hat. Das Ding an sich ist ‘Aufgabe’.”

и еще не познанным внешним бытием. При этом протяженность границы и, стало быть, объем вещи самой по себе — по мере возрастания успехов математического естествознания — постоянно увеличивается в полном соответствии с теоремами (законами) геометрии. Итак, какими предикатами обладает обновленное конструктивное мышление?

4. Чистое мышление: первоначало, движение, порождение, инфинитезимальный метод

Позволю себе приступить к определению когеновского первоначала (*Ursprung*) с широко известного основоположения:

Стало быть, если познание равнозначно основоположению, то отныне оно обусловлено первоначалом. И если мышление — это мышление познания, то оно имеет свой исток и причину в мышлении первоначала. До тех пор, пока порожденное не будет постигнуто во всей своей определенности как порожденное первоначалом, до тех же пор мышление, также через порождение, не сможет достичь ясного методического определения. В нем сохраняется иллюзия подобности. Теперь мы можем позволить себе полностью отбросить образное выражение. *Мышление является мышлением первоначала.* Ничто не может быть дано первоначалу. Этот принцип является основоположением в буквальном смысле. Основание должно стать первоначалом. Как мышление должно обнаружить в первоначале бытие, так и это бытие никак, никоим образом не может иметь другого основания, чем то, которое мышление может положить для него. Только в качестве мышления первоначала чистое мышление становится истинным. <...> *Поэтому логика должна стать логикой первоначала.* <...> *Все чистое познание должно состоять из видоизменений принципа первоначала.* В противном случае оно не имело бы ни самостоятельной, ни чистой ценности. Поэтому логика первоначала должна реализовываться во всем своем построении как таковом. *Во всех чистых познаниях, которые она удостоверяет в качестве*

To put it another way: the thing-in-itself is but a regulative idea of reason aimed at cognising being and requiring that cognition be a systematic unity as a criterion of scientific validity. It can metaphorically be presented as the boundary of a circle between what is known, i.e. knowledge (the area within the circle) and the external being still to be cognised. The length of the boundary and hence the volume of the thing-in-itself — as mathematical natural science scores new successes — constantly increases in full accordance with the theorems (laws) of geometry. So, what are the predicates of the renewed constructive thinking?

4. Pure Thinking: Origin, Movement, Generation, Infinitesimal Method

I will permit myself to start the definition of Cohen's origin (*Ursprung*) with the widely known principle:

If knowledge is the same as the principle, then from now on it is conditioned by the origin. And if thought is the thinking of cognition then it has its starting point and basis in the thinking of the origin. As long as generation was not grasped with this clarity as the generation of the origin, thinking — even through generation — could not attain to a clear methodic definition. The semblance of metaphor could not be cleared away. Now we can permit ourselves to cast aside the figurative expression. *Thinking is thinking of the origin.* Nothing must be regarded as given in the origin. This principle is the foundation in literal exactitude. Origin must be the basis. Since thinking must discover being in the origin, this being cannot under any circumstances have a different foundation than that which thinking can posit for it. It is only as the thinking of the origin that pure thinking becomes true. [...] *Therefore, logic must become the logic of the origin.* [...] *All pure cognition must be modifications of the principle of the origin.* Otherwise it would have no autonomous and no pure value. Therefore the logic of the origin must be realised in its

принципов, должен полностью господствовать принцип первоначала. Так логика первоначала становится логикой чистого познания (Cohen, 1922, S. 36).

Что мы можем извлечь из этого важного и чрезвычайно насыщенного пассажа?

Анализ основоположения позволяет сделать нижеследующие выводы:

(i) научное мышление не пользуется внешним источником для своей деятельности;

(ii) бытие предметов исследования современного Когену математического естествознания полностью определяется мышлением;

(iii) из научного мышления следует изгнать наивную иллюзию того, что предметы познания сохраняют в себе некое подобие (подобность) тех реальных вещей, которые присутствуют в нашей обыденной жизни и в «адекватном отображении» которых убеждено нерелексирующее и простодушное сознание;

(iv) бытие само по себе здесь временно «вынесено за скобки», ибо ощущения, инспирирующие научное исследование, находятся «в самом начале» научной деятельности, в то время как современная наука опирается уже не на «эмпирическую почву», но стоит «на плечах гигантов»;

(v) любое чистое (научное) суждение непосредственно следует из первоначала мышления;

(vi) истина логически следует из первоначала;

(vii) движение (Bewegung) и порождение (Erzeugung) являются важнейшими характеристиками первоначала и мышления;

(viii) все научное (чистое) познание базируется на первоначале как источнике.

Таковы основные выводы из когеновской дескрипции первоначала. Без преувеличения можно сказать, что мы имеем дело со своего рода методологическим эссенциализмом. По мнению В. Маркса, «противники» Когена — эмпиризм и психологизм — «вынудили под-

entire structure as such. In all pure cognition which it [logic] ratifies as principles the principle of the origin must be dominant. Thus the logic of the origin becomes the logic of pure cognition¹⁴ (Cohen, 1922, p. 36).

What can we derive from this important and densely written passage?

Analysis of the origin warrants the following conclusions:

(i) scientific thinking does not use an external source for its activity;

(ii) the being of the objects of investigation by the mathematical natural science of Cohen's time is determined entirely by thinking;

(iii) scientific thinking must get rid of the naïve illusion that the object of cognition preserves some likeness to the real things that are present in our daily life and is thought by the unreflecting naïve consciousness to be "adequately reflected";

(iv) being here is temporarily "taken off the table" because the sensations that prompt scientific investigation form just the "very beginning" of scientific activity, whereas modern science proceeds not from the "empirical soil", but stands on the shoulders of giants";

¹⁴ "Wenn also die Erkenntnis gleich dem Prinzip ist, so ist sie nunmehr durch den Ursprung bedingt. Und wenn das Denken das Denken der Erkenntnis ist, so hat es seinen Ausgang und Grund in dem Denken des Ursprungs. So lange das Erzeugen nicht in dieser Prägnanz als das Erzeugen des Ursprungs gefasst wurde, so lange konnte das Denken auch durch das Erzeugen nicht zu klaren methodischer Bestimmung gelangen. Der Schein des Gleichnisses bleib auf ihm sitzen. Man kann jetzt den bildlichen Ausdruck ganz fallen lassen. Denken ist Denken des Ursprungs. Dem Ursprung darf nichts gegeben sein. Das Prinzip ist Grundlegung in buchstäblicher Genauigkeit. Der Grund muss Ursprung werden. Wenn anders das Denken im Ursprung das Sein zu entdecken hat, so darf dieses Sein keinen, keinerlei andern Grund haben, als den das Denken ihm zu legen vermag. Als Denken des Ursprungs erst wird das reine Denken wahrhaft. [...] Die Logik muss demnach Logik des Ursprungs werden. [...] Alle reinen Erkenntnisse müssen Abwandlungen des Prinzips des Ursprungs sein. Andernfalls hätten sie keinen selbständigen, wie keinen reinen Wert. Die Logik des Ursprungs muss sich daher in ihrem ganzen Aufbau als solche vollziehen. In allen reinen Erkenntnissen, die sie als Prinzipien beglaubigt, muss das Prinzip des Ursprungs durchwalten. So wird die Logik des Ursprungs zur Logik der reinen Erkenntnis."

черкнуть автаркический характер мышления» (Marx, 1977, S. 14). Несмотря на разъяснения Когена, остается необходимость ответить на главный вопрос: так что же такое первоначало?

Анализ первоначала как основания мышления и соответствующего ему бытия дает возможность принять следующий вывод:

Принцип первоначала может быть понят как «основание», а именно в двойном смысле: сначала так, что он представляет общую форму всего его содержания в соответствии с определенными особыми «основаниями», затем так, что он как раз не представляет мышление в его первоначальном, принципиально способном к ревизии отношении к бытию, и это отношение состоит в том, что бытие является бытием, порожденным мышлением. В этом смысле мышление нужно называть «основанием» бытия или тем, чем оно является: принцип первоначала описывает «основание» бытия посредством мышления (Stolzenberg, 1995, S. 62).

Именно таковы «взаимоотношения» между научным мышлением и самим по себе бытием. Кроме того, для правильной рефлексии первоначала существенную помощь окажут концепции движения, порождения, инфинитезимального метода и корреляции.

Первоначало как базовый принцип есть не что иное, как функциональная деятельность мышления, порождающая собственное содержание и устанавливающая всевозможные коррелятивные связи между этими содержаниями. Поэтому Х. Хольцхай утверждает: «Мышление как первоначало познания является чистым мышлением. Таким образом, с чистотой мышления устанавливается его логический приоритет. Однако Коген не утверждает никакого метафизического *a priori*; чистота мышления имеет функциональный смысл. <...> Метод есть мышление само по себе — как изначально порожденное его содержание» (Holzhey, 1986, S. 176–177). Таким образом, первоначало есть движение (*Bewegung*), которое как раз и осу-

(v) any pure (scientific) judgment follows directly from the origin of thinking;

(vi) truth logically follows from the origin;

(vii) movement (*Bewegung*) and generation (*Erzeugung*) are the key characteristics of the origin and of thinking;

(viii) all scientific (pure) knowledge is based on the first principle as origin.

Such are the main conclusions from Cohen's description of the origin. We are looking, without exaggeration, at a kind of *methodological essentialism*. In the opinion of W. Marx (1977, p. 14), Cohen's enemies — empiricism and psychologism — have "forced him to stress the autarchic character of thinking".¹⁵ In spite of Cohen's explication, the key question that remains to be answered is, what is the origin?

An analysis of the origin as the foundation of thinking and the corresponding being prompts the following conclusion:

The principle of the origin can be understood as "the foundation" in two senses: first, as representing the general form of all special "foundations", defined according to their content, and then, in such a way that it represents thinking in its original and principally non-revisable relation to being, and this relation lies in the fact that being is being generated by thinking. In this sense thinking must be called the "foundation" of being or — which is the same thing — the principle of the origin describes the "foundation" of being through thinking¹⁶ (Stolzenberg, 1995, p. 62).

¹⁵ "[...] die Betonung des Autarkiecharakters des Denkens erzwingen."

¹⁶ "Das Prinzip des Ursprungs kann als 'Grundlegung' verstanden werden, und zwar in einem doppelten Sinn: einmal so, daß es die gemeinsame Form aller ihrem Inhalt nach bestimmten besonderen 'Grundlegungen' repräsentiert, so dann so, daß es eben darin das Denken in seiner ursprünglichen, prinzipiell nicht revisionsfähigen Beziehung zum Sein darstellt, und diese Beziehung besteht darin, daß das Sein ein vom Denken erzeugtes Sein ist. In diesem Sinne ist das Denken die 'Grundlegung' des Seins zu nennen, oder, was dasselbe ist, beschreibt das Prinzip des Ursprungs die 'Grundlegung' des Seins durch das Denken."

ществляет порождение, то есть процесс производства (*Erzeugung*) содержания мышления.

Нельзя не заметить, что термин «порождение» несет в себе ненужную метафорическую коннотацию, и поэтому Коген вынужден предупредить: «В дальнейшем, однако, образное выражение порождения не может нанести ущерба характеристике мышления хотя бы потому, что порождение воспринимается не как продукт, а как прежде всего деятельность самого производителя. *Само производство (Erzeugung) является продуктом (Erzeugnis)*» (Cohen, 1922, S. 29). Стало быть, движение мышления является одновременно его содержанием. Таким путем Коген снимает вопрос о начале мышления и устраняет кантовскую проблему синтеза чувственности и рассудка. Отныне в основе познания лежит один-единственный источник, а проблемное соотношение формы и содержания познания носит только функциональный характер и полностью описывается теорией корреляции.

Еще одна важная характеристика мышления — его континуальность (= непрерывность). Значимость этого предиката подчеркивает В. Маркс:

...принцип непрерывности имеет универсальную силу, а именно — не только как квантифицирующая функция определения, но также как принцип мышления и, соответственно, научного сознания вообще. (Термин «сознание» (*Bewußtsein*) означает у Когена всегда научное сознание, в противоположность простой «сознательности» (*Bewußtheit*).) Принцип непрерывности станет у него определением сознания, поскольку оно «придумывает», то есть порождает, «научное бытие» (Marx, 1977, S. 92).

При этом «непрерывность должна также отличать мышление в процессе порождения от “нечто”» (Holzhey, 1986, S. 197). В данном случае «нечто», или предмет = *x*, есть не что иное, как бытие само по себе, в силу этой «самости» ав-

Such are the relations between scientific thinking and being itself. Besides, correct reflection on the origin can be substantially aided by the concepts of movement, generation, infinitesimal method and correlations.

The origin as the basic principle is nothing else than the functional activity of thinking generating its own contents and establishing various correlations between them. That is why Holzhey (1986, pp. 176-177) asserts: “Thinking as the origin of cognition is pure thinking. Thus, purity of thinking establishes its logical priority. However, Cohen does not posit any metaphysical *a priori*; purity of thinking has a functional meaning. [...] Method is thinking itself, as that which initially generates its content.”¹⁷ Thus, the origin is movement (*Bewegung*), which is precisely producing, i.e. the process of producing (*Erzeugung*) the content of thinking.

It is easy to notice that the term “generation” carries an unnecessary metaphorical connotation, which leads Cohen (1922, p. 29) to issue this caveat: “Furthermore, however, the image of generation cannot harm the characterisation of thinking for the very reason that in generation the important thing is not so much the product as above all the activity of generating. The process of generating is itself what is generated.”¹⁸ Thus, the movement of thought is its content. In this way Cohen dispenses with the question about the origin of thinking and with the Kantian problem of the synthesis of sensibility and understanding. From now on cognition is based on one and only one origin and the problematic relation between the form and con-

¹⁷ “Denken als Ursprung von Erkenntnis ist reines Denken. Mit der Reinheit des Denkens wird dergestalt seine logische Priorität statuiert. Doch behauptet Cohen kein metaphysisches Apriori, die Reinheit des Denkens hat funktionalen Sinn. [...] Die Methode ist das Denken selbst — als ursprünglich seinen Inhalt erzeugendes.”

¹⁸ “Ferner aber kann der bildliche Ausdruck des Erzeugens die Charakteristik des Denkens schon deshalb nicht schädigen, weil es bei dem Erzeugen nicht sowohl auf das Erzeugnis ankommt, als vor allem auf die Tätigkeit des Erzeugens selbst. Die Erzeugung selbst ist das Erzeugnis.”

тономное и безразличное к процессу научного мышления.

Континуальность движения мышления рассматривается Когеном как фундаментальная характеристика логики чистого познания:

Непрерывность (Kontinuität) является общей основой сознания: не могут быть несовместимые элементы свалены в одну кучу, но они коренятся в связи сопоставимых членов. Таким образом, непрерывность является эффективной не только как непрерывность в бесконечной делимости пространства, она вообще не принадлежит в первую очередь созерцанию пространства; но она образует фундаментальное определение мышления, основную форму того сознания, которое как сознание мышления отличается от сознания созерцания или сознания чувственности, как логика учения о познании отличается от общей логики (Cohen, 1883, S. 37).

Совершенно очевидно, что функциональное движение мышления осуществляется непрерывно, и в этой перманентной деятельности мышление и бытие коррелятивны. Каким же образом производится содержание мышления и каким способом мышление может отличить самое себя от бытия? Разъясняет эту загадку концепция инфинитезимального метода, или метода бесконечно малых величин.

В основу учения об инфинитезимальном методе положена фундаментальная идея о том, что мышление и реальность представляют собой интенсивные величины. По утверждению Когена, чистое мышление само по себе не есть некое объективное представление и не содержит в себе ни созерцания пространства, ни созерцания времени. Стало быть, оно не обладает экстенсивной величиной, которая образуется в результате прибавления частей. Напротив, мышление является интенсивной величиной, возникающей «одномоментно». Это означает, что интенсивная величина должна базироваться на чем-то априорном, подобно тому как интенсивная величина у Канта сопровождается

tent of cognition is merely functional and lends itself to description by the theory of correlation. Another important characteristic of thinking is its continuity. W. Marx (1977, p. 92) stresses the importance of this predicate:

...the principle of continuity has universal validity, not only as a quantifying function of definition but also as a principle of thought and of scientific knowledge in general. (By "consciousness" (Bewußtsein) Cohen always means scientific consciousness as opposed to a simple state of awareness (Bewußtheit).) He makes the principle of continuity a definition of consciousness because it "invents," i.e. generates "scientific being."¹⁹

"Continuity must be a feature of *thinking* in the generation of 'Something'"²⁰ (Holzhey, 1986, p. 197). In this case the "something," or the object = x , is being in itself, which is autonomous and indifferent to the process of scientific thinking.

Cohen (1883, p. 37) sees the continuity of thinking as the fundamental property of the logic of pure knowledge:

Continuity is a general foundation of consciousness: not dependent on a heap of incompatible elements but having roots in the interrelationship between comparable members. Thus continuity does not become effective only as a continuum in the infinite divisibility of space — it does not belong at all in the first instance to the intuition of space; but it forms a fundamental definition of thinking, a basic form of that consciousness which, as the consciousness of thinking, must be differentiated from the consciousness of

¹⁹ "[...] das Kontinuitätsprinzip universal Gültigkeit hat, und zwar nicht nur als quantifizierende Bestimmungsfunktion, sondern auch als Prinzip des Denkens bzw. des wissenschaftlichen Bewusstseins überhaupt. (Der Terminus 'Bewusstsein' bedeutet bei Cohen immer wissenschaftliches Bewusstsein, im Gegensatz zur blossen 'Bewusstheit'). Das Kontinuitätsprinzip wird bei ihm zu einer Bestimmung des Bewusstseins, sofern dieses das 'wissenschaftliche Sein' 'erdenkt', d.h. erzeugt."

²⁰ "Kontinuität soll also das Denken in der Erzeugung von 'Etwas' auszeichnen."

ется чистыми априорными определениями в пространстве и времени. Однако априори Когена выглядит иначе и гораздо многообразнее, нежели у кёнигсбергского философа:

Суммируя все явные и неявные определения, данные Когеном самому понятию априори, — у него это и логическая форма, и закономерность, и «первый закон», и принцип, и условие познания, и предпосылка, и метод, и познавательная ценность, — а также случаи применения этого понятия, можно предложить одно единственное определение, согласно которому априори должно пониматься как *логический статус общеобязательной значимости суждений* (Дмитриева, 2013, с. 138).

Инфинитезимальный метод как способ и механизм действия мышления производит интенсивную реальность, существующую как континуум. При этом инфинитезимальное мышление пользуется одновременно и дифференциалом, и принципом континуальности, соединяющим все элементы в единый функциональный ряд. Именно поэтому «континуальное единство должно мыслиться как *первоначало*» (Cohen, 1883, S. 32).

Инфинитезимальный способ мышления выступает как основа реальных предметов: «Бесконечно малая как интенсивная величина означает реальность в определенном и точном смысле: она преподносит то самое *реальное*, которое предполагается и ищется во всем естествознании; она составляет и конституирует реальное. Поэтому инфинитезимальный метод является инструментом познания природы в значении *органоно*, который создает и образует природные объекты» (Ibid., S. 133).

Бесконечно малую величину в таком случае надо понимать как перманентное функциональное действие мышления, поскольку главной задачей последнего является установление всевозможных связей и отношений внутри мышления и порождение тем самым функционально-систематического единства науки.

intuition or the consciousness of sensibility, just as one more naturally differentiates logic from the doctrine of cognition.²¹

It is perfectly obvious that the functional movement of thinking takes place continuously and that thinking and being correlate in this permanent activity. How is the content of thinking generated and how can thinking distinguish itself from being? The riddle is solved by the infinitesimal method, or the method of infinitesimal magnitudes. Cohen holds that pure thinking in itself is not an objective representation and does not contain either intuition of space or intuition of time. So it does not possess extensive magnitude that is formed by the addition of parts. On the contrary, thinking is an extensive magnitude that arises instantly. That is, intensive magnitude should be based on something *a priori* just as Kant's intensive magnitude is accompanied by pure *a priori* definitions in time and space. However, Cohen's *a priori* looks different and far more diverse than Kant's.

Summing up all the explicit and implicit definitions given by Cohen of the concept of *a priori* — these include logical form, regularity, “the first law”, principle, the condition of knowledge, prerequisite, method, cognitive value — and the uses of this concept, the one and only definition that suggests itself is that *a priori* is the *logical status of universally obligatory significance of judgments* (Dmitrieva, 2013, p. 138).

The infinitesimal method as a mode and mechanism of thinking produces intensive reality which exists as a continuum. Infinitesimal thinking uses simultaneously differential calcu-

²¹ “Die Continuität ist also eine allgemeine Grundlage des Bewusstseins: nicht auf Haufen disparater Elemente verweisen zu sein, sondern im Zusammenhange vergleichbarer Glieder zu wurzeln. Somit wird die Continuität nicht erst als Stetigkeit in der unendlichen Theilbarkeit des Raumes wirksam, sie gehört überhaupt nicht in erster Linie der Raum-Anschauung an; sondern sie bildet eine fundamentale Bestimmung des Denkens, eine Grundgestalt desjenigen Bewusstseins, welches als Bewusstsein des Denkens von dem Bewusstsein der Anschauung oder dem Bewusstsein der Sinnlichkeit so zu unterscheiden ist, wie man Logik von Erkenntnislehre zu unterscheiden allgemeiner geneigt ist.”

Тогда не выглядит удивительным, что «первоначально многообразного видится в единстве; первоначально есть не что иное, как требуемое окончательное единство, а именно — связанное единство (Zusammenhangs-Einheit)» (Natorp, 1910, S. 27). В таком случае функцией мышления оказывается «связь, двойственное направление мышления на одновременное объединение разделенного и разделение объединенного, которое и в различии все же сохраняется как единство» (Ibid., S. 26).

Можно сделать вывод: когеновское первоначало есть не что иное, как действие (= движение) мышления по разъединению объединенного и связыванию разделенного содержания. Это действие осуществляется непрерывно (континуально) и в результате порождает реальность предметов научного познания. При этом мышление и бытие коррелятивны. Бесконечно малая реальность содержит в себе мышление и бытие одновременно и в качестве объединения, и в разделенном виде. Это значит, что Коген прекрасно понимает, что «реальное бытие есть не-понятие, и оно превратиться в понятие никак не может (как не может завершиться бесконечность); между ними всегда остается некоторый “зазор”. Бесконечно малая величина понимается Когеном как *Ursprung* мышления именно потому, что здесь этот “зазор” уменьшается до бесконечности и может быть сколь угодно малым» (Длугач, 2010, с. 225).

Таким образом, инфинитезимальный метод представляет собой мышление, которое непрерывно осуществляет операции: а) противопоставления себя как чистого мышления результатам своего порождения; б) совпадения самого себя с продуктами своего производства. Инфинитезимальное мышление постоянно стремится элиминировать различие между собой и бытием. Тем не менее бытие, как подчеркивает Коген, постоянно сохраняет независимость и автономию. Бытие обнаруживает себя как отдаленный исходный пункт, как отправ-

lus and the principle of continuity which combines all elements in a single functional series. That is why “the continuous unity must be seen as *origin*?”²² (Cohen, 1883, p. 32).

The infinitesimal method of thinking is the basis of real objects: “The infinitely small as the intensive magnitude designates reality in the definite and precise sense that it presents the *real* itself which is assumed and is sought in all natural science; that it distinguishes and constitutes the real. Therefore the infinitesimal method is an instrument of cognising nature in the sense of an organon which creates and forms natural objects”²³ (ibid., p. 133).

An infinitesimal magnitude in this case should be understood as a permanent functioning of thinking because the main task of thinking is to establish all kinds of connections and relations within thinking and thereby to create functional and systematic unity of science. It is not surprising, then, that “the origin of the production of the manifold is seen in unity; the origin is nothing other than the required ultimate unity, i.e. the unity of interrelatedness”²⁴ (Natorp, 1910, p. 27). In this case the function of thinking is “the connection, the twofold directedness of thinking toward simultaneous unification of the divided and division of the unified, which, even in differentiation, remains a unity”²⁵ (ibid., p. 26).

Thus, Cohen’s first principle is the action (= movement) of thinking to divide the united and to unite the divided content. This action is performed continuously and as a result generates the reality of the objects of scientific

²² “Die kontinuierliche Einheit muss als Ursprung gedacht werden.”

²³ “Das Unendlichkleine bedeutet als die intensive Größe die Realität in dem bestimmten und prägnanten Sinne: dass sie das Reale, welches in aller Naturwissenschaft vorausgesetzt und gesucht wird, derselben darreicht; dass sie das Reale ausmacht und constituirt. Das Infinitesimale ist daher Instrument des Naturerkennens in der Bedeutung des Organon, welches die Naturdinge erzeugt und bildet.”

²⁴ “Der Ursprung der Vermannigfaltigung wird in der Einheit gesehen; der Ursprung ist nichts als die geforderte letzte Einheit, nämlich Zusammenhangs-Einheit.”

²⁵ “Der Zusammenhang, die Doppelrichtung des Denkens auf Vereinigung des zugleich Geschiedenen, Differenzierung des zugleich Geeinten, in der Differenz doch als Einheit sich Erhaltenden, das ist es wohl, was zuletzt zugrunde liegt.”

ная станция научного продуктивного мышления, однако при этом не сливается с мышлением и не поглощается им.

5. Конструктивизм Когена и спекулятивность Фихте

Еще одним («негативным») источником когеновского стремления к чистоте мышления при неперменном сохранении автономности бытия выступали те воззрения кантовских «эпигонов» (О. Либман), которые, по сути, «отказались» от внешнего мира как одного из источников научного познания и сохранили приверженность одному лишь спекулятивному мышлению: «У Фихте и Шеллинга все формы и функции интеллекта рассматривались как нечто второстепенное, как результат деятельности “Я в себе”. У Гегеля осталось одно лишь мышление как последняя реальность» (Liebmann, 1912, S. 100). После этого и в самом деле не остается ничего иного, как только призывать констатировать: «Итак, следует вернуться назад к Канту» (Ibid., S. 85).

Согласно Когену, первоначально строится на принципах а) увеличения степени осознания самостоятельно произведенного предмета и б) уменьшения степени различия между мышлением и бытием при неизменном сохранении принципиальной автономности бытия. И здесь мы сразу же обнаруживаем радикальное отличие конструктивного мышления Когена от спекулятивного субъективизма Фихте.

По мнению Когена, «романтическая философия», к представителям которой он относил также и всех «эпигонов», сбилась с истинного пути, поскольку отказалась от основоположений критического идеализма Канта:

Разорвав связь с наукой, романтическая философия устремилась к познанию абсолюта, в котором сознание — это больше не трансцендентальное единство условий возможности опыта, но метафизическое единство,

ic cognition. Thinking and being correlate. The infinitesimal reality contains thinking and being simultaneously as unity and in a divided state. This means that Cohen knows full well that “real being is a non-concept and can never become a concept (any more than infinity can come to an end); there is always a gap between them. The infinitesimal magnitude for Cohen is the *Ursprung* of thinking precisely because the gap is reduced infinitely and can be infinitely small” (Dlugach, 2010, p. 225).

To sum up, the infinitesimal method is thinking that continuously performs the operations of: a) juxtaposing itself as pure thinking to the results of its generation; b) merging itself with the products of its own generation. Infinitesimal thinking constantly seeks to eliminate the difference between itself and being. Nevertheless being, as Cohen stresses, always remains independent and autonomous. Being reveals itself as a remote starting point, the departure station of scientific productive thinking, but never merges with thinking and is not subsumed by it.

5. Cohen's Constructivism and Fichte's Speculativeness

Yet another (“negative”) motive of Cohen's striving toward purity of thinking, while preserving the autonomy of being, was the views of Kant's “epigones” (Otto Liebman) who had effectively renounced the external world as an origin of scientific knowledge and preserved allegiance only to speculative thinking: “Fichte and Schelling saw all forms and functions of intellect as something secondary, as the result of the absolute activities of the ‘I in itself’. In Hegel thinking alone remains as the last reality”²⁶ (Liebmann, 1912, p. 100). That leaves only one option, and that is “So let's go back to Kant”²⁷ (ibid., p. 85).

²⁶ “Fichte und Schelling hatten alle Formen und Functionen des Intellects für etwas Secundäres, für Producte der absoluten Thätigkeiten des Ichs an sich” erklärt. Bei Hegel bleibt nun ganz allein das Denken als Wirkliches übrig.”

²⁷ “Also muss auf Kant zurückgegangen werden.”

создающее свое собственное содержание. Мышление и созерцание рассматриваются не в качестве отдельных, дополнительных методов научного познания, но в качестве органов понимания и мистического объединения с абсолютом (Пома, 2012, с. 107).

По этой причине Коген позиционировал свою критическую философию в качестве альтернативы всей посткантианской «романтической философии» — Фихте, Шеллингу и Гегелю.

В своей базовой концепции наукоучения, сформированной в целом к середине 1790-х гг., И. Г. Фихте закладывает основы спекулятивно-го субъективизма. Так, в частности, в «Основе общего наукоучения» (1794/95) Фихте приходит к выводу о том, что первоначальное *дело-действие*, или *действие* (*Tathandlung*), которое обозначается положением «*Я есть Я*» (*A есть A*), представляет собой не что иное, как полагание *Я* самого себя: *Я* полагает первоначально свое собственное бытие. Такой акт полагания (= самосознания) абсолютно не обусловлен ничем внешним и полностью спонтанен. Самосознание чистого *Я* становится, таким образом, единственным и первоначальным источником бытия. В таком случае сознание есть основа бытия, а самосознание — основа сознания.

О возможности существования автономного мира явлений как предмета мышления Фихте имеет четкие, недвусмысленные представления и поэтому наделяет бытие не просто второстепенным, но полностью зависимым статусом:

...если бы наукоучению был задан вопрос: каковы вещи сами по себе, то оно могло бы на это ответить только следующим образом: таковы, какими мы их должны сделать. От этого наукоучение нисколько не станет трансцендентным, так как мы обретаем в нас самих все то, что мы при этом устанавливаем; мы выносим это из нас самих вовне, ибо *в нас* самих

According to Cohen, *Ursprung* is based on the principles of a) *growing* awareness of independently generated object and b) *diminishing* difference between thinking and being, while the fundamental autonomy of being is preserved. This immediately highlights the radical difference between Cohen's constructive thinking and Fichte's speculative subjectivism.

In Cohen's opinion, the "romantic philosophy", in which he included also all the "epigones", had strayed from the right path because it had renounced the main principles of Kant's critical idealism:

Having left the vital link with science behind, romantic philosophy felt free to aspire to the elevated position of knowledge of the absolute, where consciousness is no longer the transcendental unity of the conditions of the possibility of experience, but metaphysical unity, which creates its own content. Thought and intuition are not seen as separate, complementary methods of scientific knowledge, but as organs of understanding and mystic union with the absolute (Poma, 1997, p. 72).

For this reason, Cohen positioned his critical philosophy as an alternative to the whole post-Kantian "romantic philosophy" — Fichte, Schelling and Hegel.

In his theory of the science of knowledge, which had taken final shape by the mid-1790s, Fichte laid the foundations of speculative subjectivism. In *The Science of Knowledge* (1794/95) Fichte comes to the conclusion that the initial factact (*Tathandlung*), indicted by the proposition that "I am I" (*A is A*), represents the positing of *I* by *I*: *I* posits its own being. This act of positing (= self-consciousness) is not conditioned by anything external and is totally spontaneous. The self-consciousness of pure *I* thus becomes the only and initial origin of being. Consciousness, then, is the foundation of being and self-consciousness is the foundation of consciousness.

Fichte (1982, p. 252) had clear-cut and unambiguous ideas about the possibility of the exist-

находится нечто, что оказывается возможно объяснить исчерпывающим образом только через нечто *вне нас*. Мы знаем, что именно мы мыслим это нечто, мыслим его согласно законам нашего духа, что мы, стало быть, никогда не можем выйти из самих себя, никогда не можем заговорить о существовании какого-нибудь объекта без субъекта (Фихте, 1993, с. 289).

Казалось бы, Я как чистое мышление должно ограничиваться *не-Я* как эмпирическим миром явлений. При этом *не-Я* противоплагается Я и, следовательно, как можно было бы предположить, является автономным по отношению к Я бытием. Однако акт полагания *не-Я* как мира явлений полностью принадлежит самому Я и, следовательно, в случае с *не-Я* мы опять-таки имеем дело с действием чистого мышления. Становится ясно, что указания Фихте на якобы присутствующий в наукоучении «эмпиризм» остаются безосновательными. Напротив, бесконечное стремление (*Streben*) заставляет Я искать собственную причинность (*Kausalität*): «Стремление направляется к причинности; и потому, согласно своему характеру, оно должно быть положено непременно, как причинность. Однако же эта причинность не может быть положена как направляющаяся на *не-Я*; так как в таком случае положена была бы реальная воздействующая деятельность, а отнюдь не стремление. Поэтому она могла бы только возвращаться к себе самой, только порождать самое себя» (Там же, с. 291). Однако такое стремление (= побуждение, *Trieb*) пребывает «только в субъекте и по своей природе не выходит за его пределы» (Там же).

Такой сугубо спекулятивный подход к сознанию, мышлению и бытию имеет мало общего с критической позицией Когена. Соответственно, поиски сходства между конструктивным научным мышлением Когена и Марбургской школы со спекулятивным мышлением Фихте лишены серьезных оснований.

ence of an autonomous world of phenomena as an object of thinking, hence he confers on being not just a secondary, but a totally dependent status:

[...] if the Science of Knowledge should be asked, how then, indeed, are things-in-themselves constituted, it could offer no answer, save, as we are to make them. Now this in no way renders our science transcendent; for everything that we shall also point out in this connection we find in ourselves, and bring forth from ourselves, because there is something *in us* that can be fully accounted for only by something *outside us*. We know that we think it, and think it according to the laws of our mind; and hence that we can never escape from ourselves, never speak of the existence of an object without a subject.

It would seem that *I* as pure thinking should be limited to *non-I* as the empirical world of phenomena. The *non-I* is juxtaposed to *I* and apparently constitutes being that is autonomous vis-à-vis *I*. However, the act of positing *non-I* as the world of phenomena belongs to *I*, such that in the case of *non-I* we are again looking at the activity of pure thinking. It becomes clear that Fichte's reference to "empiricism" allegedly present in the science of knowledge is groundless. On the contrary, infinite striving (*Streben*) makes *I* look for its own causality (*Kausalität*): "Striving aspires to causality; it must be posited, therefore, as essentially causal in character. But this causality cannot be posited *as* extending to the not-self; for in that case a real efficacious activity would be posited, and not a striving. It would thus be capable only of reverting upon itself; of producing only itself" (*ibid.*, p. 253). However, drive (*Trieb*) "is merely in the subject, and by nature does not issue beyond the latter's sphere" (*ibid.*).

A so strictly speculative approach to consciousness, thinking and being has little in common with Cohen's critical position. Therefore there are no serious grounds for seeking similarities between the constructive scientific thinking of Cohen and the Marburg school on the one hand, and Fichte's speculative thinking on the other.

Заключение

Мышление современного Когену математического естествознания представляло собой, как мы увидели, чистое (неэмпирическое) конструирование научных положений и теорий. Уровень такого мышления давным-давно оторвался от эмпирического базиса древней науки и формировался начиная с Нового времени в качестве автономной и сугубо рациональной, то есть чистой, мыслительной деятельности.

Если суммировать учение Германа Когена о конструктивном мышлении, то можно выделить следующие основоположения и элементы его конструктивистской системы:

(i) научное мышление может быть исключительно чистым;

(ii) мышление как первоначально есть не что иное, как собственное движение мышления, которое одновременно порождает его же содержание;

(iii) научное мышление континуально, что в конечном итоге обеспечивает полную когерентность, а следовательно, системность и функциональную связность всех элементов мышления и познания;

(iv) перманентное движение мышления находится в коррелятивной связи с некоторым «нечто», которое мышлением не является, то есть с автономным бытием;

(v) инфинитезимальный метод в качестве оперативной деятельности постоянно фиксирует, различает и снова соединяет а) чистое мышление, б) результаты порождения мышления и в) «нечто», не являющееся мышлением, но без которого мышление не может осуществить самоидентификацию (= существование), поскольку для этого как раз и необходимо то, что мышлением не является, то есть непокорное бытие.

Таким образом, конструктивный субъективизм Когена представляет собой чистую, автономную, непрерывную, функциональную

Conclusion

As we have seen, the thinking of mathematical natural science in Cohen's time was pure (non-empirical) constructing of scientific propositions and theories. Such thinking had long detached itself from the empirical basis of ancient science and beginning from the modern period was evolving as an autonomous and strictly rational, i.e. pure thinking.

Summing up Hermann Cohen's doctrine of constructive thinking, the following principles and elements of his constructivist system can be identified:

(i) scientific thinking can only be pure;

(ii) thinking as *Ursprung* is the movement of thinking which simultaneously generates its content;

(iii) scientific thinking is continuous, which ultimately ensures total coherence and consequently, systematic character and functional connectedness of all the elements of thinking and cognition;

(iv) the permanent movement of thinking correlates with "something" that is not thinking, i.e. with autonomous being;

(v) the infinitesimal method as operative activity constantly fixes, distinguishes and reunites a) pure thinking, b) the results of generation by thinking c) "something" that is not thinking but without which thinking cannot self-identify itself (= exist); this calls precisely for something that is not thinking, i.e. unruly being.

Thus Cohen's constructive subjectivism is a pure, autonomous, continuous functional activity of thinking which generates scientific reality in the shape of knowledge. But if it is to continue to exist independently as scientific thinking it has to keep its eye on similar autonomous being, non-theory and non-concept which, odd though it may seem, is the necessary condition of the existence of constructive thinking.

деятельность мышления, в ходе которой порождается научная реальность в виде познания. При этом ради собственного независимого существования научное мышление обязано не упускать из вида такое же автономное бытие, не-теорию и не-понятие, которое, как это ни покажется странным, является неустрашимым условием существования конструктивно-го мышления.

В таком случае для конструктивизма как такового будет характерно обращение к мышлению как едва ли не единственному источнику тех познавательных и — шире — мировоззренческих, мирозидательных конструкций, которые человечество творит не только в науке, но и в повседневном жизненном мире.

В отличие от конструктивизма Когена, не потерявшего, несмотря ни на что, автономное бытие, в исходном наукоучении Фихте чистое мышление, или *Я*, ходит по бесконечному логическому кругу. Однако в своем стремлении отыскать выход из этого круга, разорвать «дурную бесконечность» одного лишь автономного логического мышления и открыть свою причинность *Я* обращается вовсе не к бытию мира явлений, а следует в диаметрально противоположном направлении — к Абсолютному *Я*.

В таком случае первоначально усматриваемая схожесть учений Когена и Фихте оказалась всего лишь видимостью, кажимостью. Вовсе не случайно известный историк неокантианской философии Г. Эдель заметил, что «сходство между Фихте и марбургским неокантианством существует только в области вымысла (Fabel)» (Edel, 2013, S. 16). Стало быть, между научным конструктивным субъективизмом и спекулятивным субъективизмом изначально располагается непреодолимая преграда.

Список литературы

Длугач Т. Б. Понятие и суждение в философии Г. Когена // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 221–226.

Thus constructivism as such will seek to fall back on thinking as just about the only source of the cognitive and — more broadly — world-view-related and world-creating structures humankind creates not only in science, but also in the daily world.

Unlike Cohen's constructivism, which has held its own in spite of all the odds, in Fichte's *Science of Knowledge* pure thinking, or *I*, moves in an endless logical circle. However, in seeking a way out of this circle, to break the "bad infinity" of autonomous logical thinking and discover its causality, the *I* turns not to the being of the world of phenomena, but heads in the opposite direction, toward the Absolute *I*.

Therefore the initially perceived similarity of the teachings of Cohen and Fichte turns out to be a phantom. It is not by chance that Geert Edel (2013, p. 16), a prominent historian of Neo-Kantian philosophy, wrote that "the similarity between Fichte and the Marburg Neo-Kantianism exists only in the domain of fantasy".²⁸ So there is inherently an insurmountable barrier between scientific constructive subjectivism and speculative subjectivism.

References

Aquila, R.E., 1989. *Matter in Mind: A Study of Kant's Transcendental Deduction*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

Brelage, M., 1965. *Studien zur Transzendentalphilosophie*. Berlin: Walter de Gruyter.

Carl, W., 1989. Kant's First Drafts of the Deduction of the Categories. In: E. Förster, ed. 1989. *Kant's Transcendental Deduction. The Three Critiques and the Opus Postumum*. Stanford: Stanford University Press, pp. 3-20.

Cassirer, E., 1912. Hermann Cohen und die Erneuerung der Kantischen Philosophie. *Kant-Studien*, 17, pp. 252-273.

Cohen, H., 1883. *Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: Ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik*. Berlin: Dümmler.

²⁸ "[...] die Gemeinsamkeiten zwischen Fichte und dem Marburger Neukantianismus postulieren, welche es nur im Bereich der Fabel [...]."

Дмитриева Н. А. Понятие «априори» в немецком и русском неокантианстве // Многообразие априори / под ред. А. Н. Круглова. М. : Канон+, 2013. С. 129–148.

Кант И. Критика чистого разума (В, 1787) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Люфт С. Конструкция и конституция, или Каково содержание опыта? Гуссерль vs. неокантианцы // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 117–134.

Пома А. Критическая философия Германа Когена. М. : Академический проект, 2012.

Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М. : Прогресс-Традиция, 2008.

Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Соч. : в 2 т. / сост. и примеч. В. Волжского. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 1. С. 65–337.

Aquila R. E. Matter in Mind: A Study of Kant's Transcendental Deduction. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1989.

Brelage M. Studien zur Transzendentalphilosophie. Berlin : Walter de Gruyter, 1965.

Carl W. Kant's First Drafts of the Deduction of the Categories // Kant's Transcendental Deduction. The Three "Critiques" and the "Opus Postumum" / ed. by E. Förster. Stanford : Stanford University Press, 1989. P. 3–20.

Cassirer E. Hermann Cohen und die Erneuerung der Kantischen Philosophie // Kant-Studien. 1912. Bd. 17. S. 252–273.

Cohen H. Das Princip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: Ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntnisskritik. Berlin : Dümmler, 1883.

Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 3. Aufl. Berlin : Bruno Cassirer, 1918.

Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. 3. Aufl. Berlin : Bruno Cassirer, 1922.

Edel G. Zum Fichte-Bild im Marburger Neukantianismus // Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. von J. Stolzenberg and O.-P. Rudolph. Leiden : Brill Academic Publishers, 2013. Bd. 3. S. 15–31.

Holzhey H. Cohen und Natorp : in 2 Bdn. Basel ; Stuttgart : Schwabe & Co. Verl., 1986. Bd. 1.

Liebmann O. Kant und die Epigonen. Eine kritische Abhandlung. Berlin : Reuther & Reichard, 1912.

Marx W. Transzendente Logik als Wissenschaftstheorie. Systematisch-kritische Untersuchungen zur philosophischen Grundlegungsproblematik in Cohens "Logik der reinen Erkenntnis". Frankfurt a/M : Klostermann, 1977.

Cohen, H., 1918. *Kants Theorie der Erfahrung*. 3. Auflage. Berlin: Bruno Cassirer.

Cohen, H., 1922. *Logik der reinen Erkenntnis*. 3. Auflage. Berlin: Bruno Cassirer.

Dlugach, T.B., 2010. The Concept and Judgment in the Philosophy of H. Cohen. In: I.N. Gritsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *German and Russian Neo-Kantianism: Between Theory of Cognition and Criticism of Culture*. Moscow: ROSSPEN, pp. 221-226. (In Rus.).

Dmitrieva, N.A., 2013. The Concept of A Priori in German and Russian Neo-Kantianism. In: A.N. Kругlov, ed. 2013. *Diversity of A Priori*. Moscow: Kanon+, pp. 129-148. (In Rus.).

Edel, G., 2013. Zum Fichte-Bild im Marburger Neukantianismus. In: J. Stolzenberg and O.-P. Rudolph, eds. 2013. *Wissen, Freiheit, Geschichte: Die Philosophie Fichtes im 19. und 20. Jahrhundert. Band III*. Leiden: Brill Academic Publishers, pp. 15-31.

Fichte, J.G., 1982. *The Science of Knowledge*. Translated by P. Heath and J. Lachs. Cambridge: Cambridge University Press.

Holzhey, H., 1986. *Cohen und Natorp: In 2 Bände. Band 1*. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Liebmann, O., 1912. *Kant und die Epigonen. Eine kritische Abhandlung*. Berlin: Reuther & Reichard.

Luft, S., 2010. Construction and Constitution, or What is the Content of Experience? Husserl vs. Neo-Kantianism. In: I.N. Gritsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Knowledge and Criticism of Culture*. Moscow: ROSSPEN, pp. 117-134. (In Rus.).

Marx, W., 1977. *Transzendente Logik als Wissenschaftstheorie. Systematisch-kritische Untersuchungen zur philosophischen Grundlegungsproblematik in Cohens "Logik der reinen Erkenntnis"*. Frankfurt am Main: Klostermann.

Marx, W., 1987. Die philosophische Entwicklung Paul Natorps im Hinblick auf das System Hermann Cohens. In: H.-L. Ollig, ed. 1989. *Materialien zur Neukantianismus-Diskussion*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. 66-86.

Mayerhofer, H., 2004. *Der philosophische Begriff der Bewegung in Hermann Cohens "Logik der reinen Erkenntnis"*. Wien: Universitätsverlag.

Marx W. Die philosophische Entwicklung Paul Natorps im Hinblick auf das System Hermann Cohens // *Materi-
alen zur Neukantianismus-Diskussion* / hrsg. von H.-L. Ol-
lig, Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1987.
S. 66–86.

Mayerhofer H. Der philosophische Begriff der Bewe-
gung in Hermann Cohens "Logik der reinen Erkenntnis".
Wien : Universitätsverlag, 2004.

Natorp P. Platos Ideenlehre. Eine Einführung in den
Idealismus. Leipzig : Dürr, 1903.

Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten
Wissenschaften. Leipzig ; Berlin : Teubner, 1910.

Stolzenberg J. Ursprung und System. Probleme der
Begründung Systematischer Philosophie im Werk
Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin
Heidegger. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1995.

Об авторе

Валерий Евгеньевич Семенов, доктор философских
наук, профессор, философский факультет, Москов-
ский государственный университет им. М. В. Ломо-
носова, Москва, Россия.

E-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0486-8697>

Для цитирования:

Семенов В. Е. Конструктивное мышление в крити-
ческой философии Германа Когена // *Кантовский
сборник*. 2022. Т. 41, № 3. С. 76–101.

doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-3

© Семенов В. Е., 2022.

Natorp, P., 2004. *Plato's Theory of Ideas: An Introduction
to Idealism*. Edited by V. Politis; translated by V. Politis
and J. Connolly. Sankt Augustin: Academia.

Natorp, P., 1910. *Die logischen Grundlagen der exakten
Wissenschaften*. Leipzig & Berlin: Teubner.

Poma, A., 1997. *The Critical Philosophy of Hermann Co-
hen*. Translated by J. Denton. Albany & New York: State
University of New York Press.

Sokuler, Z.A., 2008. *Hermann Cohen and the Philosophy
of Dialogue*. Moscow: Progress-Tradition. (In Rus.).

Stolzenberg, J., 1995. *Ursprung und System. Probleme
der Begründung Systematischer Philosophie im Werk Her-
mann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heide-
gger*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Valery Ye. Semyonov, Department of Phil-
osophy, Lomonosov Moscow State University, Mos-
cow, Russia.

E-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0486-8697>

To cite this article:

Semyonov, V.Ye., 2022. Constructive Thinking in
the Critical Philosophy of Hermann Cohen. *Kantian
Journal*, 41(3), pp. 76-101.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-3>

© Semyonov V.Ye., 2022.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУ-
ПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS
ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS
AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY)
LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))